

Ужин подошёл к концу, и Хуа Яньумин удалился из-за стола раньше всех. У Хуа Лин и Хуа Юн тоже не было никакого настроения смотреть на то, как эта кучка сопляков разыгрывает спектакли, и они тоже поднялись и ушли.

Судя по возрасту Хуа Юн, сюжет должен был начаться совсем скоро.

— Братик, ты собираешься поехать с тётей Лун в Восточные земли? — изображая послушание, пролепетала Хуа Лин, пользуясь тем, что унаследовала от матери миловидное личико и крошечное четырёхлетнее тело.

— Мм, матушка говорит, что нужно навестить родственников в Восточных землях. — Хуа Юн проявлял некоторую снисходительность и теплоту к этой сестрёнке, которая непонятно с чего вдруг так к нему привязалась. Наверное, всё дело было в этом лице: А-Лин вечно украдкой пялилась на него. Но в отличие от других взглядов, полных злобы, в глазах А-Лин чаще всего читалось восхищение и симпатия, после чего она молча уходила в себя и начинала витать в облаках.

«В моё отсутствие держись от них подальше, а тем более не смей отвлекаться и витать в облаках там, где они находятся», — подумал про себя Хуа Юн, рассуждая, что хотя А-Лин и любит позабыть обо всём на свете, у неё всегда хватало собственной сообразительности, и те глупцы ничего не смогли бы ей сделать.

— Мм, да мне и лениво обращать на них внимание. Пока они меня не трогают, всё будет тихо-мирно, — на беленьком, мягком и нежном личике Хуа Лин не отразилось почти никаких эмоций, лишь пара ярких гладких глаз пристально смотрела на Хуа Юн. Если не приглядываться, никто бы и не заметил безмолвной пустоты мёртвого озера на самом дне этого взора.

Хотя в прошлой жизни Хуа Лин и была обычной лошадью на галерах капиталистического труда, её всё же можно было назвать элитной рабочей лошадкой: и эмоциональный, и умственный интеллект находились на высоте, а клише злодеев из всевозможных романов она знала вдоль и поперёк, не говоря уже о каких-то второсортных мелких злодеях.

— Заранее поздравляю братика с восьмилетием! Я попрошу сестрицу Сяо Хэ передать тебе подарок до того, как ты уедешь, — с толикой радости и предвкушения произнесла Хуа Лин перед тем, как расстаться с Хуа Юн.

Восемь лет, поездка в Восточные земли навестить родню — совсем скоро братик встретится со своей суженой любовью Шэн Шаою, а это значит, что единственный и неповторимый во всём мире Энигма вступит в период своей дифференциации. Жалко только, что в этом крошечном теле так мало что можно сделать, да и подходящей причины увязаться за братиком в Восточные земли тоже нет. Не удастся воочию лицезреть встречу моих любимчиков, вот чёрт! Когда же это крошечное тельце наконец вырастет? Как же я скучаю по своему росту в один метр семьдесят сантиметров! Как-никак, в прошлой жизни я была настоящей уверенной в себе красавицей, а в этой почему-то превратилась в милашку с кукольным лицом. В такой семейке

меня со всех сторон только и норовят обидеть, а-а-а-а-а!

— Спасибо, А-Лин, — Хуа Юн слегка погладил пушистую макушку Хуа Лин, в некотором роде насладившись ощущением того, каково это — иметь сестру, и повернулся, чтобы уйти. Задний сад поместья на банкета в Восточных землях.

Лето пришло вместе с обжигающим ветром, и восьмилетний Хуа Юн тоже вступил в преддверие периода дифференциации. Настроение его было хуже некуда, а помрачневшее лицо напоминало ощерившемуся волчонка, готового броситься на любого от малейшего прикосновения. И при этом его поразительная, способная заставить цветы восхищенно вздыхать внешность привлекала слишком много внимания. К тому же он был всего лишь тринадцатым юным господином клана Хуа, чьё положение оставляло желать лучшего, и в кругу общения молодого поколения пользовался наименьшей популярностью. А потому всегда находились те надоедливые сопляки, которым так и терпелось перейти черту. Посреди банкета ода цветов, окруженный в углу группой напыщенных юнцов, уже давно привык к подобному. С тех пор как он начал свободно передвигаться и посещать подобные места, насильственные угрозы и запугивания стали для него обычным делом. Однако в стране Р крайняя холодность характера Хуа Юн и его грубые методы уже снискали ему дурную славу, и мало кто решался идти на верную смерть.

— Что вам нужно? — холодно и бесстрастно спросил Хуа Юн.

Заводила по прозвищу А свысока усмехнулся:

— Ничего особенного. Просто хочу узнать, кто ты в конце концов — мальчик или девочка.

Будучи сыном крупнейшего в Восточной стране производителя аккумуляторов, он обладал столь завидным происхождением, что за ним повсюду следовала свита готовых на всё подпевал.

— Эй ты, сорви с него штаны, — приказал он единственному омеге по прозвищу Б, затерявшемуся в толпе.

В глазах «золотой молодежи» Восточной страны Хуа Юн, появившийся здесь впервые, казался лишь холодным на вид и высокомерным хрупким цветком, который можно легко сломать.

— А какая разница, есть они или нет? И какое это имеет отношение к вам? — Хуа Юн, засунув руки в карманы, равнодушно заговорил по-японски.

— Ха-ха-ха-ха! Если есть —отрежем. Ты же еще не прошел дифференциацию, судя по твоему виду, с большой вероятностью ты — омега. Омеге в будущем достаточно просто раздвигать ноги и рожать детей. То, чем ты все равно не пользуешься, можно и отрезать, — раздался неприятный, пропитанный злобой смех заводилы А.

— А ты? — Хуа Юн уловил слабый запах второсортного альфы и чуть изогнул красные губы. —

Моя мать говорила: если бы заранее стало известно, что родившийся ребенок дифференцируется в никчемного альфу, его стоило бы утопить в унитазе еще при рождении.

— Ах ты! — лицо А побагровело от ярости, и он с кулаками бросился на Хуа Юн.

Хуа Юн с легкостью увернулся.

— Чего вы застыли?! Живо навалитесь, прибейте его!

— Тц, как же вы шумите! — словно сошедший с экрана киногерой Шэн Шаою эффектно спрыгнул с ветки сакуры.

Будучи альфой S-класса, он выпустил всего лишь капельку подавляющих феромонов — и этого хватило, чтобы разогнать стайку этих семи-восьмилетних задиристых сорванцов, затеявших групповую травлю.

Хуа Юн смотрел на свалившегося с небес парня и чувствовал аромат феромонов апельсинового цвета с нотками рома. Бушующее в его теле из-за скорой дифференциации беспокойство мгновенно утихло. Он опустил уже занесенный кулак и, целиком погружаясь в пьянящий запах, во все глаза уставился на Шэн Шаою.

Шэн Шаою мягко обнял красивого ребенка, продолжая источать успокаивающие феромоны. Так и не уловив рядом никаких других запахов, он вдруг сообразил, что этот симпатичный малыш еще не прошел дифференциацию. Парень уже собирался развернуться и уйти, но Хуа Юн удержал его за рукав:

— Могу я получить твои контакты?

Наполненный юношеской доблестью Шэн Шаою бросил короткое «Х» и взмахнул рукавом на прощание. Он обронил карманные часы — и точно так же запал в сердце Хуа Юн.

Страна Р.

Хуа Лин, всё еще варившийся в этом котле под названием «детский сад», думал:

«Уже лето, и сюжет официально начался. А следом за этим придет...»

Смерть матери Хуа Юн...

Разлука с близкими всегда в той или иной степени горчит, но моя способность воспринимать подобные эмоции откровенно слаба — в конце концов, болезнь никогда не бывает благоразумной. Мне тоже нужно ускорить шаг, поспевая за сюжетными поворотами... Или, вернее, сделать так, чтобы горечь этого взросления для братца стала хоть капельку, самую малость меньше.

Однако неожиданности всегда приходят на шаг раньше завтрашнего дня.

<http://bllate.org/book/22383/2348205>